

'Пушкин' пародирует героев. Речевые маски

1 Введение

Кажется, «Евгений Онегин» состоит почти полностью из монолога 'Пушкина' с небольшим включением фрагментов прямой речи и образцов письменного творчества героев. Прямой речи героев так мало, что Чайковский не мог воспользоваться текстом из романа для арий. Текст арий написан, в основном, не Пушкиным, а по мотивам Пушкина.

Тем не менее, в романе все-таки есть речь героев в передаче 'Пушкина', потому что говоря о герое, 'Пушкин' - эксцентрик как бы надевает его «речевую маску», подражая этому герою, передразнивая его.

Здесь пойдет речь о «речевых масках» персонажа 'Пушкин', который сам может рассматриваться как комическая маска Пушкина. Этот прием позволяет Пуш-

кину показать точку зрения героя и свое отношение к ней.

2 Речевая маска как прием

Выражение «речевая маска» впервые было использовано Бахтиным как метафора. В работе «Творческая культура Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса» (написана в 1940, опубликована в 1965) М.М. Бахтин писал:

Диалекты становятся как бы целостными образами, законченными типами речи и мышления, как бы *языковыми масками*. Общеизвестна роль итальянских диалектов в комедии дель арте за каждой маской был здесь закреплен определенный диалект итальянского языка. Нужно, впрочем, отметить, что образы языков (диалектов) и их комика даны в этой комедии довольно примитивно.

Слово «маски» здесь используется в двух смыслах. Персонажи в Комедии дель арте назывались **масками**, брались из фиксированного набора архетипов. Каждый архетип можно было узнать по специальной *лицевой*

маске, костюму, диалекту итальянского языка. Понятие **маски** как персонажа включало в себя и внешность, и речь героя, и особенности его личности и поведения.

Выражение Бахтина «речевая маска» здесь еще не является научным термином. Бахтин сравнивает особенный диалект персонажа с его лицевой маской: и то, и другое использовалось, чтобы персонаж сразу узнавался.

Это выражение пригodiлось авторам монографии «Русская разговорная речь. Фонетика, морфология, лексика, жест» (Ед. Е.Ф. Земская, 1983). Они использовали его для обозначения разговорного речевого поведения, когда говорящий притворяется кем-то другим. В большинстве случаев это делается как шутка, для балагурства. Но в некоторых случаях говорящий характеризует кого-нибудь, подражая его речи.

Видимо, уже в 21 веке выражение «речевая маска» стало рассматриваться в российском литературоведении как научное понятие, которое относится не только к разговорной речи, но и к литературе.

Вот [определение этого понятия](#), которое я возьму за основу:

Речевая маска (РМ) – это ролевое перевоплощение автора, которое выражается через имитацию чужого речевого поведения.

Достоинство этого термина в том, что он показывает фольклорные корни этого приема в художественной литературе: ролевое перевоплощение 'Пушкина' используется как выразительное средство и в разговорной речи, и в высокой прозе. Но я бы хотела еще акцентировать, что речевая маска в «Евгении Онегине» является целостным образом персонажа в том же смысле, что и **маска** в Комедии дель арте. Надевая речевую маску героя, персонаж 'Пушкин' иронически воспроизводит его взгляд на мир, показывает наиболее характерные свойства его характера, не только особенности его речи.

3 Бахтин о речевых масках в «Онегине»

Бахтин больше не использовал выражение «речевая маска», которое он ввел в оборот. Но именно М.М. Бахтин обнаружил то, что я здесь называю речевыми масками в «Онегине» в работе [«Из предыстории романного слова»](#). Вместо термина «речевая маска» он использует описательный термин *романный образ чужого стиля*.

Первый пример Бахтина касается четверостишия

*Он пел любовь, любви послушный,
И песнь его была ясна,
Как мысли девы простодушной,
Как сон младенца, как луна...*

Бахтин пишет:

В приведенных же выше четырех строках звучит песнь самого Ленского, его голос, его поэтический стиль, но они пронизаны здесь пародийно-ироническими акцентами автора; они поэтому и не выделены из авторской речи ни композиционно, ни грамматически. Перед нами действительно образ песни Ленского, но не поэтический в узком смысле, а типично романский образ: это образ чужого языка, в данном случае образ чужого поэтического стиля (сентиментально-романтического). Этот *романский образ чужого стиля* (с входящими в него прямыми метафорами) в системе прямой авторской речи ... взят в интонационные кавычки, именно - пародийно-иронические.

Следующий пример Бахтина касается имитации 'Пушкиным речи Онегина в строфе

*Кто жил и мыслил, тот не может
В душе не презирать людей;
Кто чувствовал, того тревожит
Призрак невозвратимых дней:*

*Тому уж нет очарований,
Того змия воспоминаний,
Того раскаянье грызет.*

Бахтин пишет об этом отрывке:

Можно было бы думать, что перед нами прямая поэтическая сентенция самого автора. Но уже следующие строки:

Все это часто придает

Большую прелесть разговору

(условного автора с Онегиным) бросают легкую объектную тень на эту сентенцию. Хотя она входит в авторскую речь, но построена она в районе действия онегинского голоса, в онегинском стиле. Перед нами снова *романный образ чужого стиля*. Но построен он несколько иначе. Образы приведенной сентенции, будучи предметом изображения, в то же время и сами изображают, точнее, выражают авторскую мысль, ибо автор с нею в значительной мере солидарен, хотя и видит ограниченность и неполноту онегинско - байронического мировоззрения и стиля.

Бахтин заметил на двух примерах, что не только об-

разы стиля Онегина и Ленского устроены по-разному, но 'Пушкин' выражает разное отношение к этим образом: иронизирует над чуждой ему речью Ленского, но в передаче речи Онегина чувствуется, что эта речь ему близка, хотя он и не всегда и не во всем согласен с Онегиным.

Таким образом, Бахтин показывает, что эти фрагменты содержат не только образ речи персонажа, но и образ авторского отношения к этой речи.

4 'Пушкин' имитирует Ленского

Сначала рассмотрим два фрагмента из второй главы с повествованием о Ленском.

Строфа VIII

*Он верил, что душа родная
Соединиться с ним должна,
Что, безотрадно изнывая,
Его вседневно ждет она;
Он верил, что друзья готовы
За честь его принять оковы
И что не дрогнет их рука
Разбить сосуд клеветника;*

...

строфа XX

*Ах, он любил, как в наши лета
Уже не любят; как одна
Безумная душа поэта
Еще любить осуждена:
Всегда, везде одно мечтанье,
Одно привычное желанье,
Одна привычная печаль.
Ни охлаждающая даль,
Ни долгие часы разлуки,
Ни музам данные часы,
Ни чужеземные красы,
Ни шум веселый, ни науки
Души не изменили в нем,
Согретой девственным огнем.*

В обоих случаях 'Пушкин' говорит о Ленском в третьем лице. Но при этом он перевоплощается, заменяет свой развязно - разговорный тон на возвышенный, книжный стиль речи. Но мы-то уже знаем из начала второй главы, что

*Всегда возвышенная речь
И кудри черные до плеч*

это – «прикид» Ленского. То есть 'Пушкин' перевоплощается в Ленского, говоря о нем. Так Ленский говорил

о себе или мог бы сказать. А по тону 'Пушкина' можно понять, как он к этому относится.

В литературоведческих терминах 'Пушкин' надевает речевую маску Ленского, создавая образ речи Ленского и своего отношения к этой речи.

Сначала посмотрим, как создается образ речи Ленского в этих двух приведенных фрагментах:

- Оба фрагмента представляют разговорную речь Ленского. Но речь кажется вычурной, искусственной. Пушкин показывает, как, используя книжные штампы, Ленский создает персону идеального поэта, каким он хотел казаться. Картины необыкновенной любви поэта (строфа XX) и поэта как кумира (строфа VIII) должны работать на создание этого идеального облика.
- Речь персонажа эмоциональна, рассчитана на то, чтобы вызывать восторг и умиление.
- У персонажа нет рефлексии или чувства юмора: он не осознает, что он забавен.
- В обоих фрагментах Ленский отводит другим людям второстепенные роли. Говоря Онегину о своей любви (строфа XX), Ленский не упоминает Ольги. Эта любовь вычитана, она не имеет отношения к конкретной Ольге. Он ожидает от друзей и возлюбленной, что они будут преданны ему (строфа VIII), не ожидая ничего взамен.

- В обоих фрагментах речь идет не о реальном, но о выдуманном Ленским мире. В строфе XX Ленский хвастается своим постоянством: разлука, учеба в Германии *души не изменили в нем* по его словам. Но в начале второй главы мы читали, что после его возвращения он *везде был принят как жених*, хотя и не собирался жениться:

*Ленский, не имев, конечно,
Охоты узы брака несть
С Онегиным желал сердечно
Знакомство покороче свести.*

Эта необыкновенная любовь к Ольге возникла уже после его встречи в Онегиным, на его глазах. Ленский не заботится о том, чтобы Онегин верил ему. Представления Ленского о преданности друзей и *родной души*, о которых говорится в строфе VIII, также не соответствуют действительности, как Ленский вскоре узнал.

В обоих фрагментах видно ироническое отношение 'Пушкина' к речи Ленского. Мы знаем это по утрированному стилю и фантазиям, которые выдаются за реальность.

Если читатель не замечает, что 'Пушкин' пародирует речь Ленского, отказывается видеть речевые маски,

он, скорее всего, думает, что это А.С. Пушкин восхищается Ленским.

Теперь посмотрим на строфу XLV в главе 5:

...

*Возможно ль? Чуть лишь из пеленок,
Кокетка, ветреный ребенок!
Уж хитрость ведает она,
Уж изменять научена!
Не в силах Ленский снести удара;
Проказы женские кляня,
Выходит, требует коня
И скачет. Пистолетов пара,
Две пули -- больше ничего --
Вдруг разрешат судьбу его.*

'Пушкин' здесь снова повествует о Ленском, передавая особенности его речи в после бала у Лариных. Но эта речь имеет мало общего с речью Ленского в предыдущих двух фрагментах. Ситуация изменилась: Ленский осознал, что он не добился поклонения и восхищения, на которые он рассчитывал. И те самые люди, которые должны были быть преданными ему, его друг и невеста, вместо этого хорошо проводят время вместе и пренебрегают им. Ленский не может признать, что он не так уж важен. Вместо этого он порицает Ольгу, угрожает Онегину. Речь персонажа отрывистая, пропала возвышенная книжная лексика, развернутые предложения и цветистые эпитеты: в них больше нет нужды.

Это – другая сторона речевой маски Ленского. Первые два фрагмента показывают, как искусно Ленский создает свою личину избранного поэта. Последний фрагмент показывает Ленского, когда эта личина оказалась под угрозой. Поведение Ленского становится понятным.

Если не замечать речевых масок, пародии на Ленского в этих фрагментах, то невозможно понять, почему возвышенный поэт с такими неземными чувствами захотел стреляться на дуэли по поводу танцев, которые нравились его невесте.

В двадцатом веке люди, похожие на Ленского, стали называться нарциссами. Нарциссы реагируют с нарциссической яростью, когда они не получают того внимания, которое они заслуживают по их мнению.

Пушкин опередил Фрейда, создав образ Ленского-нарцисса.

5 'Пушкин' соперещивает Татьяне

В. Шкловский в своей работе «*Евгений Онегин*» (*Пушкин и Стерн*) (1921) первый высказал подозрение, что Пушкинское изображение Татьяны пародийно.

В самом деле, это интересный вопрос, все-рьез ли написан «Евгений Онегин». Грубо

говоря, плакал ли над Татьяной «Пушкин», или он шутил? Сам Пушкин как будто относится к Татьяне серьезно, с сочувствием:

Татьяна, милая Татьяна,
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана

и т. д.

Или:

Но полно. Надо мне скорей
Развеселить воображенье
Картиной счастливой любви.

Невольно, милые мои,
Меня стесняет сожаленье,
Простите мне, я так люблю
Татьяну милую мою.

Но тон этих отрывков ... несомненно стерновский. Это сентиментальная игра и игра с сентиментальностью. Вряд ли не пародия описание Татьяны, подозрительное по своему архаическому словарю.

А между тем луна сияла

И темным светом озаряла
Татьяны бледные красы
И распущенные власы.

Шкловский заметил пародийность авторской речи (речи персонажа 'Пушкина') о Татьяне. Насколько я знаю, после 21го года ни Шкловский, никто другой не решался продолжить эту тему в России.

При ближайшем рассмотрении оказывается, что речевая маска Татьяны содержит образ ее речи, образ авторского отношения к Татьяне, но также и образ авторской речи о Татьяне.

Посмотрим третью главу, строфу XV

*Татьяна, милая Татьяна!
С тобой теперь я слезы лью;
Ты в руки модного тирана
Уж отдала судьбу свою.
Погибнешь, милая; но прежде
Ты в ослепительной надежде
Блаженство темное зовешь,
Ты негу жизни узнаешь,
Ты пьешь волшебный яд желаний,
Тебя преследуют мечты:
Везде воображаешь ты
Приюты счастливых свиданий;
Везде, везде перед тобой*

Твой искуситель роковой.

По книжному, возвышенному эмоциональному стилю ясно, что 'Пушкин' здесь перевоплощается в свою героиню. Это – речевая маска Татьяны.

Речь идет о ее страсти к Онегину. Онегин является предметом ее вожделения («ты пьешь волшебный яд желаний», «ослепительная надежда», «блаженство темное»).

При этом Татьяна создает в своем воображении свой облик и мир по образцам сентиментальных романов. В этом мире она необыкновенно привлекательна, и коварный Онегин старается ее искушить. Образ речи Татьяны является пародией на сентиментальные романы. Можно даже сказать, что сама Татьяна является пародией.

Как положено сентиментальной героине, она плачет о своей загубленной судьбе из-за коварства Онегина. Вместе с ней плачет и 'Пушкин'. Они оба называют Онегина «модным тираном», «искусителем роковым».

Но 'Пушкин' - то знает, что Татьяна не погибнет, и Онегин не думал ее искушать! Татьяна плачет над своими фантазиями, и 'Пушкин' притворно рыдает.

Надрывно говоря о своих слезах, 'Пушкин' здесь пародирует и слезливую Татьяну, и сентиментального доверчивого читателя (Достоевский приходит на ум). Все отрывки, которые привел Шкловский в цитируемом отрывке, могут рассматриваться как пушкинская пародия на наивных читателей и как наживка для них. Как

Пушкин и ожидал, 200 лет читатели заглатывают эти иронические пушкинские комментарии, и рыдают над Татьяной.

Чтобы узнать, как же действительно относится 'Пушкин' (и Пушкин) к Татьяне здесь, надо заметить утрированный, претенциозный стиль речи и разрыв между Татьянинными фантазиями и реальностью.

И так устроено все повествование о Татьяне. Стиль Татьяны – пародия на стиль сентиментальных романов. При этом, притворно умиляясь и сочувствуя Татьяне, 'Пушкин' создает образ типичного наивного читателя.

Речевые маски о Ленского и о Татьяны устроены поразному. Между тем и стили, и смыслы рассказов Татьяны и Ленского о их любовных страстях очень похожи. В обоих случаях речь идет об одержимости идеальной мечтой. Ленский: «Всегда, везде одно мечтанье...». Татьяна: «Тебя преследуют мечты: Везде воображаешь ты...». Они оба создают образ исключительной любви, которая поднимает их над окружающими. В обоих случаях экзальтированная влюбленность имеет книжный характер, это – «обильный чувствами рассказ, Давно не новыми для нас». Хотя любовь Ленского платоническая, а не чувственно - эротическая, как у Татьяны, и он ни в чем не винит Ольгу.

Еще пример: знаменитая загадочная строфа XXXI главы 3

Письмо Татьяны предо мною;

*Его я свято берегу,
Читаю с тайною тоскою
И начитаться не могу.
Кто ей внушил и эту нежность
И слов любезную небрежность?*

....

'Пушкин' читает письмо героини, которое он сам и сочинил, и не может начитаться. Читатель, воспитанный на почтении к русской классике и авторитету Великого Поэта, все сказанное понимает буквально: Пушкин хвалит, значит, очень хорошо написано.

Стиль речи в этой строфе утрированно экзальтированный, полный эмоциональных риторических вопросов и восторгов, хотя здесь и нет книжной лексики. Есть восхищение и умиление тем, как она ловко, мастерски написала свое любовное письмо.

Но 'Пушкин' - то знает, что когда любовное письмо хвалят за мастерское изображение нежности и непосредственности, это как раз значит, что оно неискренне, поддельно. 'Пушкин' также раньше написал, что Татьяна заинтересовалась Онегиным, только когда пошли сплетни о его предстоящем сватовстве. То есть письмо лживо, а щедрая похвала 'Пушкина' письму Татьяны звучит лукаво. Мы здесь также видим эксцентрика - 'Пушкина' в речевой маске Татьяны. Пушкин пародирует наивных читателей, и подсказывает им, как они должны относиться к письму.

Но образ речи Татьяны имеет и другую сторону. Посмотрим на строфу XLVIII главы 7

*Татьяна вслушаться желает
В беседы, в общий разговор;
Но всех в гостиной занимает
Такой бессвязный, пошлый вздор;
Все в них так бледно, равнодушно;
Они клеветают даже скучно;
В бесплодной сухости речей,
Распросов, сплетен и вестей
Не вспыхнет мысли в целы сутки,
Хоть невзначай, хоть наобум;
Не улыбнется томный ум,
Не дрогнет сердце, хоть для шутки,
И даже глупости смешной
В тебе не встретишь, свет пустой.*

На первый взгляд, строфа выглядит, как одна развитая мысль о неудовлетворительности светского общества. Но если приглядеться, в начале идет речь 'Пушкина' в речевой маске Татьяны, а конец - речь самого 'Пушкина': Татьяна не могла, например, упрекать свет за отсутствие шуток, мыслей и «глупостей смешных»: она лишена чувства юмора. Можно понять, что начиная с пятой строки 'Пушкин' говорит от себя.

Но почему Татьяна так критична к свету? 'Пушкин'

ожидает, что читатель вспомнит строфу XI из второй главы о разговорах Татьянинных соседей

...

*Их разговор благоразумный
О сенокосе, о вине,
О псарне, о своей родне,
Конечно, не блистал ни чувством,
Ни поэтическим огнем,
Ни острою, ни умом,
Ни общежития искусством;
Но разговор их милых жен
Гораздо меньше был умен.*

Вот к какому разговору Татьяна была приучена с детства. То есть дело не в том, что она в гостиной умнее всех, а в том, что Татьяна там не может привлечь внимания к себе. Ее идеальный образ не сработал. Вместо восхищения собой она переключается на выражение презрения к окружающим. Исчез сентиментально-книжный стиль. Характеристика «Бессвязный, пошлый вздор» выражает злость Татьяны. При этом 'Пушкин' по-прежнему выражает полное сочувствие Татьяне, как всегда, когда он говорит о ней. Его истинное отношение к героине видно по тому, что ее интеллектуальное высокомерие по отношению к светскому обществу кажется смешным, учитывая ее грубость здесь и тот уровень общения, к которому она привыкла.

6 'Пушкин' имитирует Онегина и Татьяну

По своему характеру и речи Онегин отличается от 'Пушкина' не так уж сильно: своим хладнокровием, любовью к парадоксам и злым шуткам. В отношении к себе и к окружающим 'Пушкин' и Онегин очень похожи, также как похожи между собой Ленский и Татьяна. Поэтому я не думаю, что можно говорить о полноценной речевой маске Онегина. Скорее, Пушкин использует несобственно - прямую речь, передавая речь Онегина.

Рассмотрим пример из главы пятой, где речь идет об именинах Татьяны, ее полу-обмороке.

Вот как понимает событие Татьяна (строфа XXX):

*Она трепещущих очей
Не поднимает: пышет бурно
В ней страстный жар; ей душно, дурно;
Она приветствий двух друзей
Не слышит, слезы из очей
Хотят уж капать: уж готова
Бедняжка в обморок упасть;
Но воля и рассудка власть
Превозмогли. Она два слова
Сквозь зубы молвила тишком
И усидела за столом.*

'Пушкин' повествует о Татьяне в ее речевой маске с экзальтированным стилем речи. Татьяна снова созда-

ет в своем воображении идеальный образ сентиментальной героини, которой она хочет казаться. Опять используется возвышенная, литературная лексика, (*трепещущие очи, слезы из очей*). В то же время, здесь опять речь идет о чувственной, безличной страсти (*страстный жар*).

'Пушкин' и здесь готов лить слезы с Татьяной: (*бедняжка, слезы из очей Хотят уж капать*). Это горячее сочувствие - часть речевой маски Татьяны. 'Пушкин' пародирует самовлюбленность Татьяны и умиление наивного читателя.

Но затем 'Пушкин' позволяет нам посмотреть на этот полу-обморок со стороны, глазами Онегина (Строфа XXXI):

*Траги-нервических явлений,
Девичьих обмороков, слез
Давно терпеть не мог Евгений:
Довольно их он перенес.
Чудак, попав на пир огромный,
Уж был сердит. Но девы томной
Заметя трепетный порыв,
С досады взоры опустив,
Надулся он и, негодую,
Поклялся Ленского взбесить
И уж порядком отомстить.
Теперь, заране торжествуя,
Он стал чертить в душе своей
Карикатуры всех гостей.*

Онегин издевательски относит полу - обморок Татьяны к *траги - нервическим явлениям*. 'Пушкин' не спорит. Лотман в Комментариях говорит о том, что разного типа обмороки использовались как любовные знаки с 18го века. Во времена Пушкина они уже воспринимались иронически.

Нам даны два контрастных восприятия одного события. Экзальтированная самовлюбленность противопоставлена трезвому, хотя и несколько раздраженному взгляду со стороны. Пушкин здесь на стороне Онегина. А ортодоксальный читатель, как Пушкин и ожидает, примет здесь сторону чувствительной, страдающей, экзальтированной героини, а не насмешливого героя.

7 Заключение

Рассказывая о культурных героях, Ленском и Татьяне, 'Пушкин' , как умелый артист разговорного жанра, надевает речевую маску этого героя, подражая его речи, выражая его взгляды, и в то же время, показывает свое отношение к герою.

Речевые маски героев устроены по-разному:

- 'Пушкин' воспроизводит внутреннюю речь Ленского с пренебрежительной иронией, высмеивает его подражательность, его привычку выдавать желаемое за действительное.

- Речь Татьяны звучит пародийно, и чаще всего можно заметить несовместимость представлений героини с текстом романа в целом. Кроме того, 'Пушкин' сам вторит героине, пародируя ее самовлюбленность, имитируя восприятие наивного читателя.

Прием «речевая маска» помогает свободному критическому читателю и обманывает догматического наивного читателя. Распознавание речевой маски Ленского и, особенно, Татьяны требует некоторых интеллектуальных усилий: надо ловить 'Пушкина' на противоречиях и утрировании сентиментальности. Догматические, почтительные читатели не замечают подвоха, считают что сам Пушкин всюду умиляется и восторгается Татьяной. Так создается «Роман о Татьяне» как прикрытие для «Романа о Евгении Онегине и Пушкине».